

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

У каждого – свой счет, говорят французы. И каждый по-своему открывал Кавказ.

Были, например, люди, которые находили, что Кавказ начинается в буфете ростовского вокзала, где подавали красный борщ и лаваш.

Мы, ставропольцы, начинали свой Кавказ со станции Изобильной, за пятьдесят верст до Ставрополя. От Изобильной, на некоторых поворотах пути, нет-нет да и блеснет ставропольская колокольня, свеча на горе, краше которой нет ничего на свете. Да, да: краше которой нет ничего на свете. Я знаю колокольни и киево-печерскую, и троице-сергиевскую, – обе – от Растрелли, – но наша, работы Воскресенского, конечно, лучше, элегантнее, легче, – игрушечка, статуэтка. Архитектор Воскресенский, вероятно, из семинаристов, был отмечен печатью гения: он, например, брал самый обыкновенный известковый камень и делал из него забор для барятинского парка и роши. Сначала я ничего не замечал, но, когда увидел маленькую акварельку старого художника Смирнова, то, во-первых, понял, что такое эта стенка, а, во-вторых, что такое искусство. Я до смерти проходил бы мимо этой стенки, так и не заметив ее красоты, а Копшучек, учитель гимназии, показал мне на акварельке, чем дышит эта стенка. А дышала она тем, что на другой же день я побежал на Успенское кладбище искать могилу Воскресенского и узнал, что его могила и есть тот черный человек, которого я в детстве боялся, как огня.

Когда вы влезали на второй этаж этой колокольни, то как и из Батума, вы видели Эльбрус. А когда вы сходили вниз на бульвар, то слышали, как мальчишки кричали:

– «Северный Кавказ» – на завтрашний день! «Северный Кавказ» это была газета, основанная адвокатом Д. И. Евсеевым и в которой я начинал свою литературную жизнь. Именно в ней и напечатал свою первую повесть под титулом: «Из дневника гимназиста». Повесть была большая, в шести номерах, и имела дикий успех. Дьякон Троицкого собора, сотрудник «Епархиальных ведомостей», повстречавшись со мной на бульваре, сказал басом:

– Собрату по перу, – мое поштение.

Дорого бы я дал, чтобы сейчас отыскать эту повесть о любви.

Что прекрасней песен

О цветах и звездах?

Всякий тотчас скажет:

«Песни о любви».

* * *

Мы жили на Северном Кавказе.

Ставрополь упоминается у Толстого в начале «Казачков». Там Толстой едет на перекладных по главной улице и видит, что среди вывесок есть некоторые с французскими надписями, а по тротуару шел какой-то господин, остановился и посмотрел на Толстого. В экземпляре из ученической библиотеки было на полях приписано: «Костя». Костей звали рыжего учителя латинского языка, культурного, зазнавшегося и очень неумного человека. Но,

почему-то, я и до сих пор думаю, что на Толстого действительно смотрел Костя. Больше никому.

И в Максим Максимыче есть: – Вы едете в Ставрополь?

Помню, что такие высокопоставленные упоминания повергали нас в великую гордость. Мы себя чувствовали людьми, прикосновенными к большой литературе. Нам не хотелось быть Тамбовом на карте генеральной.

* * *

Климат был такой: летом – жарница, зимой – холодище, весна – райская, а осень: такой осени даже в раю не бывает. Вот где вы бы поняли, что такое осенние скрипки.

Через весь город тянулся чудесный и густой бульвар, на котором ставропольцы начинали все свои амурные комбинации. В конце бульвара, перед степью с лазоревыми цветами, стояла триумфальная арка, называвшаяся Тифлисскими воротами. Через Тифлиссские ворота когда-то шли войска, предназначенные для замирения Кавказа. А потом, когда все стихло, на них сиживал лермонтовский «Демон».

* * *

Во время замирения Кавказа Ставрополь был глубоким тылом и потому в нем выстроены большие военные госпитали и та улица, на которой они построены, называлась Госпитальной.

Через Ставрополь проходило множество войск и на этих проходивших войсках нажили большие состояния ставропольские финансовые тузы, – все эти Меснянкины, Ивановы, Несторовы, Саломатины.

Реноме этих тузов было небольшое и звали их так: Прокошка Меснянкин, Мишка Несторов и т. п.

Выжиги были отъявленные. Раз устроили такую штуку: проезжал через город великий князь Михаил Николаевич. Ну, конечно, все, как у людей: задать великому князю обед. Спаржи в Ставрополе никогда не было: послали в Ростов. Закатали стол покоем человек на полтора, со слезами пели гимн, а на утро подали великому князю счет. Князь вытаращил глаза, растерялся и заплатил за всех сто пятьдесят человек, которые первый раз в жизни ели спаржу и, по-моему, вкуса оной не одобрили, потому что и впредь в Ставрополе ее не культивировали. Князь приехал в Петербург и показал счет императору Александру. Тот расхохотался и сказал:

– Жирно, брат, кушаешь.

И, когда проводили Владикавказскую железную дорогу, то Ставрополь, город с дорогими обедами, был оставлен в стороне верст на сто пятьдесят! Тамбов.

* * *

Прошли года, как поется в цыганском романсе. Ставропольцы начали подумывать о проведении через губернию ветки Армавир–Туапсинской железной дороги. Меня выбрали председателем железнодорожной комиссии. Пришлось вступить в борьбу с графом Коковцевым, который был против этого варианта («вести дорогу на сахарную голову»). Все, чего мы достигли путем огромных усилий, граф сметал движением своего мизинца и смотрел на меня с презрением. И вдруг, каким-то наитием, я понял, что граф боится од-

ного: печати. И вот тут, ради своего родного города, я пошел на некоторые низости: я сошелся кое с кем из «Нового времени» и со столбцов этой правительственной крепости сделал несколько вылазок против графа, – и, о чудо! Всесильный граф стал шелковым, и мой вариант прошел через междуведомственную комиссию, которая заседала где-то на Конногвардейском бульваре, тем дело и кончилось, но вскоре после этого Коковцев приехал на Кавказ по делам какой-то ревизии и меня послали в Армавир, чтобы пригласить графа в Ставрополь на обед. Опять съездили в Ростов за спаржей, я поднес графу хлеб-соль и пригласил графа на обед. Коковцев посмотрел на меня с усмешкой и сказал:

– Простите, но я не так богат, чтобы завтракать в городе Ставрополь-Кавказском.

Но в Ставрополь все-таки заехал, стакан вина выпил и все что-то ощущал у себя в жилетном кармане: по-моему, там была бумажка в рассуждении того, что попросят заплатить за консомацию.

* * *

После ярославцев ставропольцы были, конечно, самым жуликоватым народом империи и это – они, ставропольцы, выдумали следующие изречения:

– Один восторг, два упоения; воздух по копейке штука; пустячки-варенички; горизонтом пахнет; будьте уверочки; будьте покойнички.

Веселая, богатая была страна северокавказская, ставропольская. При царе-государе она вместе с соседкой, Кубанской областью, кормила хлебом всю Европу. В Ставрополе были постоянные конторы Луи Дрейфуса и Вальяно, закупавшие пшеницу на корню. Потом, при гениальном Ленине и еще более гениальном Сталине, эти житницы не только никого не кормили, но и сами перманентно подышали с голода.

Очень долго «гибельный Кавказ» был местом неблагоклонной ссылки и, отчасти, именно эти ссыльные оказались колонизаторами Северного Кавказа и, в частности, города Ставрополя. Потом, из-за слухов о баснословной дешевизне, сюда понаехали отставные чиновники или, как их тут звали, «чинодралы» с маленькими пенсиями. И, действительно, дешевизна жизни была здесь разительная: фунт первоклассного «черкасского» мяса стоил три копейки, фунт осетрины – пятак. Климат божественный, излечивалась даже чахотка, (нотариус Пправе вылечился), тишина, покой, никаких фабрик и заводов, только мельницы Анпеткова и Унанова. Квартиры-особнячки с садиками: умирать не надо. Никаких достопримечательностей в городе не было: откуда-то взяли зимний пейзаж Клевера да чулки голландской королевы. Было две женских гимназии: Ольгинская и Александровская, мужская гимназия, реальное училище, духовная семинария и казачье юнкерское училище. Гимназистки были прехорошенькие, но епархиалки имели свои персональные достоинства. Духовенство было богатящее, жило по-помещичьи. В Прасковейском уезде культивировали виноград и получали вино, похожее на испанский кларет. Преступления совершались только на почве ревности, но тут уже в буквальном смысле слова снимали шкуру. Крепостного права здесь не знали, помещиков не было, были на ролях помещиков хохлы из Тавриче-

ской губернии, которых звали тавричанами и которые были создателями тех тачанок, на которых потом приснопамятный батько Махно устанавливал свои пулеметы. Мечта этих тавричан была одна: повыдавать своих дочерей за «батюшек», чтобы дочери стали матушками. Народ жил сытно, ели и пили в свое удовольствие, но в думу посылали революционеров: Онипку, Борисова, Старлычанова, которые, как и надо было ожидать, довели губернию до постыдной нищеты. Что ты был и что стал и что есть у тебя? – этими кольцовскими словами можно спросить Ставрополь и богатейшую губернию Ставропольскую, бывших красоту и гордость Северокавказья.

Но Кавказ – безмолвен:

Сады благоуханием
Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
В ущелье – мгла и дым.

Наш поэт, – конечно Лермонтов!

Сургучев И. Д.